

МКРТЫЧЕВ Т.К.

Мкртычев Тигран Константинович

Доктор искусствоведения, директор Государственного музея искусств им. И.В. Савицкого Республики Каракалпакстан (Узбекистан), Нукус – Москва
ORCID ID: 0000-0001-6763-5818
mkrtiga@gmail.com

Ключевые слова: Кушанская империя, Северная Бактрия, искусство, архитектурный декор, скульптура, живопись.

Mkrtychev Tigran K.

Doctor of Art History, director of the State Museum of Arts of the Republic of Karapalkakstan named after I.V. Saviysky (Uzbekistan), Nukus – Moscow
ORCID ID: 0000-0001-6763-5818
mkrtiga@gmail.com

Key words: Kushan Empire, Northern Bactria, art, architectural decor, sculpture, painting.

Кушанское искусство Северной Бактрии (Южный Узбекистан): основные характеристики

МКРТЫЧЕВ ТИГРАН К.

Kushan Art of Northern Bactria (Southern Uzbekistan): Main Characteristics

Статья посвящена искусству Северной Бактрии времен Кушанской империи (I–III вв. н.э.). В силу разных причин кушанское искусство складывалось под влиянием различных художественных традиций: декоративно-прикладного искусства кочевого мира Центральной Азии, мощной эллинистической традиции, а также разнообразных видов индийского искусства. Между тем в силу значительных культурных различий между частями империи кушанское искусство с очень большими оговорками можно считать единым целым. Различия проявляются не только в материалах, использовавшихся для изготовления произведений искусства, но и в иконографии. Изучение кушанского искусства затруднено сложной религиозной картиной в Кушанском государстве, где существовали разные религии и культы. В статье рассмотрены артефакты, найденные при археологических раскопках: архитектурный декор, скульптура, в том числе терракотовые статуэтки, живопись. Отмечается связь кушанского искусства с религиозными культурами.

The article is dedicated to the art of Northern Bactria during the Kushan Empire (I–III centuries AD). For various reasons, Kushan art developed under the influence of various artistic traditions: decorative and applied art of the nomadic world of Central Asia, a powerful Hellenistic tradition, as well as various types of Indian art. Meanwhile, due to significant cultural differences between parts of the empire, Kushan art with very large reservations can be considered a single whole. The differences are manifested not only in the materials used for the manufacture of works of art, but also in iconography. The study of Kushan art is complicated by the complex religious picture in the Kushan state, where there were different religions and cults. The article considers artifacts found during archaeological excavations: architectural decor, sculpture, including terracotta figurines, painting. The connection of Kushan art with religious cults is noted.

Кушанская империя занимала ключевое место в истории взаимодействия Востока и Запада в первые века нашей эры (I–III вв.). Она включала в себя территории разных историко-культурных регионов – от юга Средней Азии до Центральной Индии. За более чем двухвековую историю в этом государстве сформировалась своя художественная культура, что послужило основой для последующего развития искусства не только Индии и Средней Азии, но и Китая.

Искусство Кушанской империи – тема, многократно рассматривавшаяся в научной литературе. В силу разных причин, в том числе и благодаря географическому положению на пересечении торговых путей между Западом и Востоком, кушанское искусство складывалось под влиянием различных художественных традиций: декоративно-прикладного искусства кочевого мира Центральной Азии, откуда собственно происходили племена юэчжей, в состав которых входил и род кушан; доминирующей в Бактрии, куда пришли завоеватели юэчжи, и откуда началось возвышение Кушанского государства; мощной эллинистической традиции, а также разнообразных видов индийского искусства, с которым столкнулись кушаны, когда пришли в Индию.

Понятие «кушанское искусство» довольно часто используется в научной литературе без региональных уточнений [13].

Между тем в силу значительных культурных различий между частями империи кушанское искусство с очень большими оговорками можно считать единым целым: например, кушанское искусство Бактрии значительно отличается от кушанского искусства Центральной Индии. Различия проявляются не только в материалах, использовавшихся для изготовления произведений искусства, но и в

иконографии. Изучение кушанского искусства затруднено сложной религиозной картиной в Кушанском государстве, где существовали разные религии и культы. К тому же эта картина менялась со временем в зависимости от пристрастий правителей⁽¹⁾.

Основной массив материалов по кушанскому искусству дают археологические раскопки. Еще в первой половине XIX века Чарльз Массон начал проводить археологические работы на территории Афганистана и Северной Индии (ныне Пакистан) [22], в результате чего были получены первые материалы по искусству Кушанской империи. Со временем приоритет в раскопках в Афганистане приобрели французские археологи, а в Пакистане и Индии – английские.

Однако в истории становления Кушанского государства ключевую роль сыграла Северная Бактрия – историко-культурный регион Средней Азии, часть которого в настоящее время расположена в современном Узбекистане. Именно на юге Узбекистана на городище Старый Термез в 1927 году сотрудник Среднеазиатской археологической экспедиции Государственного музея Востока (Москва) А.С. Стрелков обнаружил полузасыпанные пещеры. С удивительной научной интуицией он интерпретировал их как остатки буддийского пещерного монастыря [18, с. 41–47]. Позднее, в 1932 году, здесь же в Северной Бактрии возле городища Айртам случайно был найден каменный фриз, который украшал буддийский храм кушанского времени [28, с. 23–41]. На месте храма были произведены археологические раскопки. Так началось открытие кушанского искусства в Северной Бактрии. В конце 1950-х годов выдающийся советский ученый Г.А. Пугаченкова добилась создания отдела истории искусств в Институте искусствознания имени Хамзы (Ташкент), при котором была сформирована специальная Узбекстанская искусствоведческая экспедиция (УзИскЭ). Члены экспедиции сконцентрировали свои работы на античных памятниках Юга Узбекистана (Северная Бактрия), часть из которых датировалась кушанским временем. В результате были выявлены такие знаменитые археологические памятники, как Халчаян, Дальверзинтепе и др. [3, 11]. Наряду с Г.А. Пугаченковой наибольший вклад в изучение кушанского искусства юга

(1) Проблема определения кушанского искусства уже неоднократно рассматривалась в литературе [27, с. 2].

Средней Азии внесли такие знаменитые ученые, как Б.Я. Ставиский, Б.А. Литвинский и др. [13, 21]. Благодаря археологическим раскопкам стали известны основные виды искусства, имевшие распространение в кушанской Бактрии.

АРХИТЕКТУРНЫЙ ДЕКОР. СКУЛЬПТУРА

Изучение различных монументальных сооружений Северной Бактрии кушанского времени показало, что они украшались каменным архитектурным декором, в значительной степени восходящим к эллинистической традиции, сохранявшейся здесь со времен Греко-Бактрийского царства (III–II вв. до н.э.). Каменные базы и стволы колонн, капители, имеющие коринфизированные черты, пилястры – все эти архитектурные детали присутствуют в большинстве монументальных сооружений Северной Бактрии.

Наряду с каменным архитектурным декором важное место занимала каменная скульптура, в основном, горельефы и барельефы. К сожалению, в подавляющем большинстве случаев мы имеем дело с фрагментами, найденными вне архитектурного контекста, что значительно усложняет реконструкцию размещения каменной скульптуры на памятнике. Известны единичные примеры монументальной круглой скульптуры (Айртам) [16, с. 365–388].

Анализ материала, из которого изготавливались и архитектурный декор, и скульптура в Северной Бактрии, показал, что это был местный камень, добываемый в каменоломнях на берегу Амударьи на памятнике Ходжа Гульсор. Необходимо подчеркнуть, что на целом ряде фрагментов каменного архитектурного декора и каменной скульптуры сохранились следы краски, что позволяет говорить о том, что большинство каменных изделий в кушанское время были окрашены.

Опираясь на подробную стратиграфию и периодизацию некоторых памятников Северной Бактрии, удалось установить, что в середине III в. н.э. изготовление как каменной скульптуры, так каменного архитектурного декора фактически прекратилось. С этого времени при строительстве или ремонтных работах различные детали архитектурного декора из камня начинают использоваться вторично, а скульптуру начинают делать из глины и ганча или смеси этих материалов [7, с. 86].

В отличие от каменных скульптуры и архитектурного декора, которые являлись результатом эллинистического влияния в кушанской Бактрии, считается, что глиняная или глино-ганчевая скульптура была частью местной художественной традиции, существовавшей в Средней Азии до прихода Александра Македонского. Как правило, такая скульптура делалась на каркасе из дерева или тростника; наряду с ручной моделировкой использовались штампы для изготовления ее отдельных частей (самыми распространенными были штампы для лиц); готовая скульптура покрывалась грунтом и расписывалась, иногда наносилась позолота.

ЖИВОПИСЬ

Широкое распространение в оформлении монументальных архитектурных сооружений Северной Бактрии кушанского времени получила полихромная настенная живопись, сделанная по сухой штукатурке. Анализ методов ее создания в этом регионе показал, что большинство мастеров-живописцев работали в русле эллинистической традиции, одной из основных характеристик которой является использование свето-теневой моделировки [6, с. 188–196].

В то же время в Северной Бактрии на некоторых памятниках имеются примеры настенной живописи, выполненной в иной – графической – манере, что может говорить о существовании школы местных мастеров [12, с. 217–218, рис. 153].

Очевидно, приглашение профессиональных художников для оформления архитектурных сооружений требовало значительных финансовых расходов. По всей вероятности, это одна из причин, по которой в некоторых случаях живописные работы производили непрофессиональные художники.

Ряд сделанных за последние десятилетия находок – терракотовые живописные панели и живопись на ткани – позволяет говорить о существовании в Кушанской империи развитой живописной традиции, мастера которой работали с разными материалами [19, fig. 26; 25, с. 947].

КЕРАМИКА. ТЕРРАКОТА

К художественному творчеству тесно примыкает керамическое производство, достигшее в кушанское время своего расцвета. В этот период повышается качества керамических изделий, значительно расширяется репертуар форм, вводятся новые орнаментальные приемы.

Среди ритуальных атрибутов кушанского времени определенное место занимают разнообразные керамические курильницы и поставцы, имитирующие крепостную архитектуру [8, с. 143–160].

Одним из видов керамического производства было массовое изготовление терракотовых статуэток, которые создавались методом как лепки, так и штамповки в односторонних матрицах. Известно некоторое количество статуэток, выполненных комбинированным путем: лепное тело имеет штампованную личину.

Как правило, терракотовые статуэтки, изображавшие божеств распространенных в кушанской Бактрии религий и культов, представляли собой ритуальные атрибуты. В то же время, не исключено, что определенные виды терракотовых фигурок могли выполнять роль игрушек или служить дешевым интерьерным декором [4, с. 161–165; 2, с. 165–171].

ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО

Археологические исследования в Северной Бактрии выявили различные художественные изделия, выполненные, по всей видимости, местными мастерами. В их числе и бронзовые чаши, и фигурные ременные пряжки, и заколки для волос со скульптурными навершиями. Известно некоторое количество бронзовых зеркал, сделанных в подражание китайским, которые пользовались большим спросом.

В Северной Бактрии обнаружено несколько выразительных художественных предметов из кости. Это гребни для волос, украшенные графическими изображениями (резными и рисованными), многочисленные заколки со скульптурными навершиями, нагрудные амулеты [9, с. 160–175]. В единичных экземплярах найдены миниатюрные костяные фигурки слона и быка-зебу, которые принято считать шахматными фигурами [3, рис. 21].

Произведения кушанского декоративно-прикладного искусства, обретенные во время раскопок в Северной Бактрии, в значительной мере связаны с определенными религиозными традициями, существовавшими в Кушанской империи.

ДИНАСТИЙНОЕ ИСКУССТВО

Изучение религиозных верований в Кушанской империи позволило исследователям реконструировать так называемый династийный культ, прославлявший правящую династию. Вокруг него сложилось искусство, которое получило название «династийного» [29]. Прежде всего оно зафиксировано в нумизматике, где сформировалась иконография кушанских императоров. Другое его проявление известно по династийным храмам, открытым в результате археологических исследований. Первым таким святилищем стало сооружение в селеении Мат (Центральная Индия). В нем были обнаружены фрагменты монументальной каменной скульптуры, изображающей кушанских императоров – Вимы Такту, Канишки и др. Позднее в Северном Афганистане был открыт монументальный династийный храм Сурх-Котал [23]. Здесь также были обнаружены остатки монументальной скульптуры, которая, по всей видимости, изображала кушанских правителей. Однако в Сурх-Котале, в отличие от святилища в Мате, скульптура была глиняной.

На территории Северной Бактрии также были изучены кушанские династийные храмы. В конце 1950-х – начале 1960-х годов на юге Узбекистана был раскопан памятник Халчаян, который первоначально интерпретировали как дворец ранних Кушан [11].

Сооружение имело богатое убранство глиняной скульптурой. Сохранились и небольшие фрагменты полихромной настенной живописи. Исследователи предполагали, что в интерьере могли висеть большие ковры (эта гипотеза в дальнейшем получила подтверждение, когда в Монголии обнаружили артефакты, сделанные в Бактрии) [10, с. 50–59].

Вместе с тем как планировка памятника (по всей видимости, до нас дошла только центральная часть всего комплекса), так и другие детали дают основание считать, что Халчаян был династийным храмом.

Предполагается, что многофигурные композиции представляли сцены победоносных сражений легковооруженной конницы юэчжей – предков кушан, которые завоевали Бактрию, с войском, состоявшим из тяжеловооруженных всадников, которых Г.А. Пугаченкова считала бактрийцами [14, с. 96–110], а П. Бернар – саками [20, с. 759–768], а также празднества, посвященного той самой победе, или свадебного пира.

Еще один династийный храм недавно был раскопан узбекско-французской экспедицией на памятнике Чингиз-тепе, расположенном на территории городища Старый Термез. К сожалению, сохранившиеся незначительные фрагменты каменной скульптуры не позволяют оценить художественное оформление данного сооружения.

БУДДИЗМ

Заметную роль в Северной Бактрии кушанского времени сыграл буддизм. Хотя все апокрифические источники связывают самого известного кушанского императора Канишку с буддизмом, эта религия не имела статуса государственной в Кушанской империи. Судя по данным эпиграфики, буддизм поддерживался высшими слоями кушанского общества, в том числе и правителями Северной Бактрии. На их средства строились монументальные буддийские сооружения – монастыри, ступы, святилища, которые украшались скульптурой и настенной живописью. По буддийским источникам известно, что в буддийской общине существовал специальный человек, который отвечал за соблюдение правил при строительстве культовых объектов – архитектор. Поэтому неудивительно, что при археологическом изучении буддийских памятников Северной Бактрии обнаруживается тесная связь с буддийскими сооружениями кушанского времени в Индии (планировочные и архитектурные решения) [7, с. 157].

Вместе с тем методы и приемы, которые использовали художники и скульпторы при оформлении буддийских памятников в Северной Бактрии, дают основание считать, что в этом регионе в кушанское время среди буддистов не было своих мастеров. Художников приглашали со стороны, предлагая им образцы буддийской иконографии. Это определяет стиль буддийского искусства Северной Бактрии,

который во многом был ориентирован на гандхарские образцы, но в то же время имел свои особенности. В скульптуре это проявилось, прежде всего, в изменении материала – использовался местный известняк, а также глина и ганч.

В отличие от известных буддийских памятников Гандхары памятники Северной Бактрии оформлялись настенной живописью, как декоративной, так и полихромной сюжетной. Среди бактрийских сюжетов живописи – изображения Будды с монахами, Будды и бодхисатв, знатных донаторов и др.

В круг произведений буддийского искусства кушанского времени входит и некоторое количество терракотовых статуэток, найденных при раскопках на разных памятниках Северной Бактрии. Они выполнены в односторонних матрицах, как правило, сильно редуцированных. Исключение составляет терракотовая фигурка сидящего бодхисатвы из Барат-тепе, которая по своему исполнению очень близка скульптурному оригиналу и сохранила следы красной краски (возможно, как основы для позолоты) [5, с. 91, № 80].

Небольшое количество буддийских терракотовых статуэток, наряду с целым рядом других свидетельств, дают основание считать, что в кушанской Бактрии буддизм не был массовой религией.

ДЖАЙНИЗМ

Исследования кушанского искусства выявили целый ряд произведений, которые связаны с джайнизмом⁽²⁾. Прежде всего, это votive плиты (*āyāga-paṭa*), на которых изображены различные символы, как правило, совпадающие с буддийскими, а также джайнистские святы Тирханкары, одной из отличительных характеристик которых является нагота [26, с. 332–367].

В связи с этим следует упомянуть ряд терракотовых статуэток, найденных на кушанских памятниках Северной Бактрии и выполненных в односторонних матрицах. Они изображают обнаженных мужчин с характерными удлиненными руками [5, с. 90, № 78].

(2) Джайнизм – дхармическая религия, возникшая предположительно в IX–VI вв. до н.э. и проповедующая ненанесение какого-либо вреда любому живому существу.

Несмотря на отсутствие на груди этих персонажей характерного джайнистского символа (*śrīvatsa*), можно утверждать, что статуэтки восходят к изображениям джайнистских святых. Однако мы не знаем, как они воспринимались местным населением, и был ли в Северной Бактрии распространен джайнизм.

КУЛЬТЫ КУШАНСКОЙ БАКТРИИ

Знаменитая Рабатакская надпись⁽³⁾ дает нам имена нескольких богов, изображения которых были сделаны для династийного храма. Среди них упомянута Нана – одна из наиболее популярных богинь среднеазиатского региона от античности до раннего средневековья. К сожалению, для кушанского времени точно установленная иконография этой богини имеется только на монетах, где изображение Наны сопровождается надписью с ее именем [30].

На городище Дальверзинтепе было открыто сооружение, которое интерпретируется как храм Бактрийской богини, предположительно Наны [15, с. 75–90]. Здесь была найдена скульптурная голова женщины, сделанная из глины и раскрашенная. Стоит отметить, что как на Дальверзинтепе, так и на целом ряде северобактрийских городищ кушанского времени было обнаружено большое число терракотовых статуэток, изображающих сидящую женщину с атрибутами в руках. Часть этих статуэток совершенно очевидно восходит к иконографии позднеэллинистических богинь круга Кибелы, но у другой части статуэток сидящей богини на голове имеется украшение в виде лунницы, что может связывать их с образом Наны [24, с. 107–127].

Заключение

Известно, что не только создание, но и распад Кушанской империи начинался в Бактрии. После походов Сасанидов (середина III в. н.э.) на территории Северной Бактрии была установлена власть куша-

но-сасанидских правителей. С их приходом связываются изменения в идеологии региона (исчезновение династийного культа, значительный спад в поддержке буддизма, продолжение формирования местных культов, например, культа Наны и проч.). Прекращение традиции изготовления каменного архитектурного декора и каменной скульптуры, которое фиксируется по археологическим материалам Северной Бактрии с середины III в. н.э., можно соотнести с окончанием эллинистической традиции, возникшей в греко-бактрийское время (III–II вв. до н.э.). Кроме того, с крушением Кушанской империи произошло резкое сокращение культурных связей с Индией. Однако это не прервало развития буддийского искусства в регионе.

(3) Рабатакская надпись – надпись на скале на бактрийском языке греческим алфавитом, найденная в 1993 году при раскопках в афганском поселке Рабатак, недалеко от известного археологического памятника Сурх Котал. Связана с правлением кушанского царя Канишки, освещает также его генеалогию. Хранится в Кабульском музее.

Список литературы:

- 1 Болелов С.Б. Кушано-бактрийский археологический комплекс. По материалам раскопок Кампыртепе // Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов. Археология, история, этнология, культура. СПб.: ИИМК РАН, 2005. С. 71–74.
- 2 Вызго Т.С. Изображения музыкантов в коропластике Дальверзинтепе // Дальверзинтепе. Кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент: Фан, 1978. С. 161–165, рис. 165–171.
- 3 Дальверзинтепе. Кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент: Фан, 1978. 240 с.
- 4 Исхакова Е.И., Исхаков М.Х. Терракоты Дальверзинтепе // Дальверзинтепе. Кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент: Фан, 1978. С. 161–165.
- 5 Культура и искусство древнего Узбекистана: Каталог выставки. Кн. 1: Бактрия Согд Чач Хорезм. М.: ГИИ, 1991. 220 с.
- 6 Мкртычев Т.К. К вопросу о живописной традиции буддийских памятников Северной Бактрии кушанского времени // Вестник древней истории. 1998. № 3. С. 188–196.
- 7 Мкртычев Т.К. Буддийское искусство Средней Азии (I–X вв.). М.: Академкнига, 2002. 286 с.
- 8 Некрасова Е.Г., Пугаченкова Г.А. Керамика Дальверзинтепе. Кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент: Фан, 1978. С. 143–160.
- 9 Никонов В.П. Некоторые результаты раскопок Бактрийской экспедиции на городище Кампыр-тепе: памятники искусства // Взаимодействие культур и цивилизаций. В честь юбилея В.М. Массона. СПб.: ИИМК, 2000. С. 160–176.
- 10 Полосьмак Н.В. Мы выпили сому, мы стали бессмертными... // Наука из первых рук. 2010. № 3 (33). С. 50–59.
- 11 Пугаченкова Г.А. Халчаян. К проблеме художественной культуры северной Бактрии. Ташкент: Фан, 1966. 288 с.
- 12 Пугаченкова Г.А. Дальверзинтепе и некоторые общие вопросы истории и культуры Северной Бактрии // Дальверзинтепе. Кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент: Фан, 1978. С. 217–218.
- 13 Пугаченкова Г.А. Искусство Бактрии эпохи кушан. М.: Искусство, 1979. 248 с.
- 14 Пугаченкова Г.А. Образы юечжийцев и кангюйцев в искусстве Бактрии и Согда // Античные и раннесредневековые древности Южного Узбекистана. В свете новых открытий Узбекстанской искусствоведческой экспедиции. Ташкент: Фан, 1989. 168 с. С. 96–110.
- 15 Ртвеладзе Э.В. Храм в северной части Дальверзинтепе // Дальверзинтепе. Кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент: Фан, 1978. 240 с. С. 75–90.
- 16 Ртвеладзе Э.В. Айртам – династийный храм царя Хувишки // Вестник древней истории. 2018. № 2. С. 365–388.
- 17 Ставиский Б.Я. Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры. М.: Наука, 1977. 296 с.
- 18 Стрелков А.С. Доисламские памятники древнего Термеза // Культура Востока. 1928. Т. 2. С. 41–47.
- 19 Behrendt, K. A. The Art of Gandhara in the Metropolitan Museum of Art. New York: Metpublications, 2007. 116 p.
- 20 Bernard P. Les nomades conquérants de l'empire gréco-bactrien: réflexions sur leur identité ethnique et culturelle // Comptes rendus des séances de l'Académie des inscriptions et belles-lettres. 1987. № 4. Pp. 759–768.
- 21 Dani A.H., Litvinsky B. A., Zamir Safi M.H. Eastern Kushans and Kidarites in Gandhara and Kashmir // History of Civilizations of Central Asia. Vol. III: The crossroads of civilizations: A.D. 250 to 750. Ed. Litvinsky B. A. Delhi: Motilal Banarsidass Publ., 1999. 580 p. Pp. 163–186.
- 22 Errington E. Charles Masson and the Buddhist Sites of Afghanistan: Explorations, Excavations, Collections 1832–1835. London, British Museum Press, 2017. Series: British Museum Research Publication. Vol. 215. 250 p.
- 23 Fussman G. Kushan power and the expansion of Buddhism beyond the Soleiman mountains // Kushan Histories. Literary Sources and Selected Papers from a Symposium at Berlin, December 5 to 7, 2013 edited by Harry Falk, Hempen Verlag. Bremen: Hempen Verlag, 2016. Pp.153–202.
- 24 Ilyasov J., Mkrtychev T. Bactrian Goddess from Dalverzin-tepe (Attempts of Typological Analysis) // Silk Road Art and Archaeology. Vol. 2. Kamakura, 1991/92. Pp. 107–127.
- 25 Marshak B., Grenet Fr. Une peinture kouchane sur toile // Comptes Rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-lettres. 2006 [2008]. Pp. 955–960.
- 26 Joshi, N. P. Early Jaina Icons from Mathurā // Mathura: The Cultural Heritage, ed. Doris M. Srinivasan. New Delhi, American Institute of Indian Studies, 1989. Pp. 332–367.
- 27 On the Cusp of an Era: Art in the Pre-Kuṣāṇa World, ed. by Doris Srinivasan. Leiden-Boston, BRILL, 2007. 556 p.
- 28 Pугаченкова Г. А. The Buddhist Monuments of Airtam // Silk Road Art and Archaeology. 1991–1992. № 2. Pp. 23–41.
- 29 Rosenfield John M. The Dynastic Arts of the Kushans. Berkeley, University of California Press, 1967. 377 p.
- 30 Sims-Williams N., Cribb J. A new Bactrian inscription of Kanishka the Great // Silk Road Art and Archaeology. 1995–1996. № 4. Pp. 76–142.

References:

- 1 Bolelov S.B. Kushano-baktrijskij arheologičeskij kompleks po materialam raskolpok Kampyrtepe [Kushan-Bactrian archaeological complex based on materials from the Kampyrtepe splinter]. *Central'naya Aziya ot Ahemenidov do Timuridov. Arheologiya, istoriya etnologiya, kul'tura* [Central Asia from the Achaemenids to the Timurids. Archeology, history, ethnology, culture]. St. Petersburg, IIMK RAN Publ., 2005. 406 p. Pp. 71–74. (In Russ.)
- 2 Vyzgo T.S. Izobrazheniya muzykantov v koroplastike Dal'verzintepe [Images of musicians in coroplasty Dalverzintepe]. *Dal'verzintepe. Kushanskij gorod na yuge Uzbekistana* [Dalverzintepe. Kushan city in the south of Uzbekistan]. Tashkent, Fan Publ., 1978. 240 p. Pp. 161–165, ill. 165–171. (In Russ.)
- 3 *Dal'verzintepe. Kushanskij gorod na yuge Uzbekistana* [Dalverzintepe. Kushan city in the south of Uzbekistan]. Tashkent, Fan Publ., 1978. 240 p. (In Russ.)
- 4 Iskhakova E.I., Iskhakov M.H. Terrakoty Dal'verzintepe [Terracotta Dalverzintepe]. *Dal'verzintepe. Kushanskij gorod na yuge Uzbekistana* [Dalverzintepe. Kushan city in the south of Uzbekistan]. Tashkent, Fan Publ., 1978. 240 p. Pp. 161–165. (In Russ.)
- 5 *Kul'tura i iskusstvo drevnego Uzbekistana: Katalog vystavki. Kn. 1: Baktriya Sogd Chach Khorezm* [Culture and art of ancient Uzbekistan: Exhibition catalog. Book 1: Bactria Sogd Chach Khorezm]. Moscow, GMV Publ., 1991. 220 p. (In Russ.)
- 6 Mkrtychev T.K. K voprosu o zhivopisnoj tradicii buddijskih pamyatnikov Severnoj Baktrii kushanskogo vremeni [To the question of the picturesque tradition of Buddhist monuments of Northern Bactria of Kushan time]. *Vestnik drevnej istorii*, 1998, no. 3. Pp. 188–196. (In Russ.)
- 7 Mkrtychev T.K. *Buddijskoe iskusstvo Srednej Azii (I–X vv.)* [Buddhist art of Central Asia (1st–10th centuries)]. Moscow, Akademkniga Publ., 2002. 286 p. (In Russ.)
- 8 Nekrasova E.G., Pugachenkova G.A. *Keramika Dal'verzintepe. Kushanskij gorod na yuge Uzbekistana* [Pottery Dalverzintepe. Kushan city in the south of Uzbekistan]. Tashkent, Fan Publ., 1978. 240 p. Pp. 143–160. (In Russ.)
- 9 Nikonorov V.P. Nekotorye rezul'taty raskopok Baktrijskoj ekspedicii na gorodishche Kampyrtepe: pamyatniki iskusstva [Some results of excavations of the Bactrian expedition on the site Kampir-tepe: monuments of art]. *Vzaimodejstvie kul'tur i civilizacij. V chest' yubileya V.M. Massona* [Interaction of cultures and civilizations. In honor of the anniversary of V.M. Masson]. St. Petersburg, IIMK Publ., 2000. 268 p. Pp. 160–176. (In Russ.)
- 10 Polos'mak N.V. My vypili somu, my stali bessmertnymi... [We drank soma, we became immortal...]. *Nauka iz pervyh ruk*, 2010, no. 3 (33). Pp. 50–59. (In Russ.)
- 11 Pugachenkova G.A. *Halchayan. K probleme hudozhestvennoj kul'tury severnoj Baktrii* [Khalchayan. To the problem of the artistic culture of northern Bactria]. Tashkent, Fan Publ., 1966. 288 p. (In Russ.)
- 12 Pugachenkova G.A. Dal'verzintepe i nekotorye obshchie voprosy istorii i kul'tury Severnoj Baktrii [Dalverzintepe and some general questions of the history and culture of Northern Bactria]. *Dal'verzintepe. Kushanskij gorod na yuge Uzbekistana* [Dalverzintepe. Kushan city in the south of Uzbekistan]. Tashkent, Fan Publ., 1978. 240 p. Pp. 217–218. (In Russ.)
- 13 Pugachenkova G.A. *Iskusstvo Baktrii epohi kushan* [The art of Bactria of the Kushan era]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979. 248 p. (In Russ.)
- 14 Pugachenkova G.A. Obrazy yuechzhijcev i kangyujcev v iskusstve Baktrii i Sogda [Images of Yuezhzhians and Kangyuys in the art of Bactria and Sogd]. *Antichnye i rannesrednevekoveye drevnosti Yuzhnogo Uzbekistana. V svete novyh otkrytij Uzbekistskoj iskusstvedcheskoj ekspedicii* [Antique and early medieval antiquities of Southern Uzbekistan. In the light of the new discoveries of the Uzbek art history expedition]. Tashkent, Fan Publ., 1989. 168 p. Pp. 96–110. (In Russ.)
- 15 Rtveldze E.V. Hram v severnoj chasti Dal'verzintepe [Temple in the northern part of Dalverzintepe]. *Dal'verzintepe. Kushanskij gorod na yuge Uzbekistana* [Dalverzintepe. Kushan city in the south of Uzbekistan]. Tashkent, Fan Publ., 1978. 240 p. Pp. 75–90. (In Russ.)
- 16 Rtveldze E.V. Ajrtam – dinastijnyj hram carya Huvishki [Ajrtam – the dynasty temple of Tsar Khuvishki]. *Vestnik drevnej istorii*, 2018, no. 2. Pp. 365–388. (In Russ.)
- 17 Staviskij B.Ya. *Kushanskaya Baktriya: problemy istorii i kul'tury* [Kushan Bactria: problems of history and culture]. Moscow, Nauka Publ., 1977. – 296 p. (In Russ.)
- 18 Strelkov A.S. Doislamskie pamyatniki drevnego Termeza [Pre-Islamic monuments of ancient Termez]. *Kul'tura Vostoka*, 1928, vol. 2. Pp. 41–47. (In Russ.)
- 19 Behrendt, K. A. *The Art of Gandhara in the Metropolitan Museum of Art*. New York, Metpublications, 2007. 116 p.
- 20 Bernard P. Les nomades conquérants de l'empire gréco-bactrien: réflexions sur leur identité ethnique et culturelle // *Comptes rendus des séances de l'Académie des inscriptions et belles-lettres*, 1987, no. 4. Pp. 759–768.
- 21 Dani A.H., Litvinsky B. A., Zamir Safi M.H. *Eastern Kushans and Kidarites in Gandhara and Kashmir. History of Civilizations of Central Asia. Vol. III: The crossroads of civilizations: A.D. 250 to 750*. Ed. Litvinsky B. A. Delhi, Motilal Banarsidass Publ., 1999. 580 p. Pp. 163–186.
- 22 Errington E. *Charles Masson and the Buddhist Sites of Afghanistan: Explorations, Excavations, Collections 1832–1835*. London, British Museum Press, 2017. Series: British Museum Research Publication. Vol. 215. 250 p.
- 23 Fussman G. Kushan power and the expansion of Buddhism beyond the Soleiman mountains. *Kushan Histories. Literary Sources and Selected Papers from a Symposium at Berlin, December 5 to 7, 2013* edited by Harry Falk, Hempen Verlag, Bremen, Hempen Verlag, 2016. Pp.153–202.
- 24 Ilyasov J., Mkrtychev T. Bactrian Goddess from Dalverzin-tepe (Attempts of Typological Analysis). *Silk Road Art and Archaeology*. Vol. 2. Kamakura, 1991/92. Pp. 107–127.
- 25 Marshak B., Grenet Fr. Une peinture kouchane sur toile. *Comptes Rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-lettres*. 2006 [2008]. Pp. 955–960.
- 26 Joshi N. P. Early Jaina Icons from Mathurā. *Mathura: The Cultural Heritage*, ed. Doris M. Srinivasan. New Delhi, American Institute of Indian Studies, 1989. Pp. 332–367.
- 27 *On the Cusp of an Era: Art in the Pre-Kuṣāna World*, ed. by Doris Srinivasan. Leiden-Boston, BRILL, 2007. 556 p.
- 28 Pugachenkova G. A. The Buddhist Monuments of Airtam. *Silk Road Art and Archaeology*, 1991–1992, no. 2. Pp. 23–41.
- 29 Rosenfield John M. *The Dynastic Arts of the Kushans*. Berkeley, University of California Press, 1967. – 377 p.
- 30 Sims-Williams N., Cribb J. A new Bactrian inscription of Kanishka the Great. *Silk Road Art and Archaeology*, 1995–1996, no. 4. Pp. 76–142.